

ТАТЬЯНА Воронцова

Дни
Самайна

18+

Время запретных желаний

Татьяна Воронцова

Дни Самайна

«Издательство АСТ»

2006

Воронцова Т.

Дни Самайна / Т. Воронцова — «Издательство АСТ»,
2006 — (Время запретных желаний)

ISBN 978-5-17-126604-2

Любовный треугольник... Что может быть банальнее, мучительнее и тревожнее? Тем более в дни Самайна, когда раскрываются чудесные холмы по всей Ирландии, и древние боги начинают вмешиваться в жизнь смертельных, нарушая их планы, разбивая или, наоборот, осуществляя самые невероятные мечты. Среди князей сумеречного королевства немало могущественных. Но этот самый опасный. Одной рукой он дает, а другой забирает. Главное – вовремя понять, что для тебя важнее, полученный от него дар или принесенная тобой жертва... С этой дилеммой предстоит столкнуться не только Анне, планировавшей всего лишь провести отпуск в Ирландии, но и двоим мужчинам, каждый из которых уже успел занять место в ее сердце...

ISBN 978-5-17-126604-2

© Воронцова Т., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Воронцова

Дни Самайна

Глава 1

Ее разбудили отчаянные вопли за стеной. Звуки борьбы, топот босых ног, будто кто-то кружит по комнате, сбивая по пути всякие мелкие предметы и натываясь на мебель. Женский визг, за которым следуют бурные рыдания... Черт, да что там у них происходит? И ведь это, между прочим, отнюдь не в первый раз!

Резким движением Анна села в постели и сонно уставилась на часы. Полтретьего ночи. Славно! Самое время выяснять отношения или гоняться за призраками, как здесь любят и умеют. Сердце колотилось. Дотянувшись до тумбочки, она плеснула в стакан минеральной воды и сделала маленький глоток. Прислушалась, глядя на стену, за которой разворачивалась баталия.

Пять минут было тихо, потом что-то стукнуло. Стук сопровождался очередной серией стонов, жалоб и всхлипываний, столь горестных, что хотелось пойти и огреть, наконец, бедную страдальицу чем-нибудь тяжелым по голове, чтобы прекратить ее мучения. Мужской голос отрывисто произнес какое-то короткое слово. Всего одно. Плач перешел в монотонные причитания. В коридоре захлопали двери, возмущенные постояльцы требовали ответа на вопрос, до каких пор это будет продолжаться, неужели за свои деньги они уже и выспаться спокойно не имеют права, и куда, интересно знать, смотрит администрация отеля.

Строго говоря, это и не отель вовсе, а так называемый *country houses*, или «гостевой дом», каких в округе немало. Двадцать комфортабельных номеров с видом на пруд с лебедями, превосходная кухня, европейский сервис, интерьеры, выполненные в традиционном ирландском стиле. Традиционном на взгляд европейца или американца. У самих ирландцев несколько иные понятия о традициях.

Бизнес сугубо семейный, отсюда домашний уют и атмосфера нескончаемого уик-энда. Конкретно этот *country houses* под названием «Сокровенная Роза» принадлежит семейству Гиллан, чьи бесчисленные родственники и соплеменники, если верить толстой Мэделин, проживают в графстве Мит со времен святого Патрика¹. Странно, что не со времен пришествия сыновей Миля². Толстая Мэделин, хозяйка отеля, отличалась невероятной масштабностью мышления.

А вот и она, легка на помине. Сидя нагишом на краю кровати, Анна прекрасно слышала выступление хора жалобщиков, изредка прерываемое едкими одиночными репликами англичанина из номера напротив. И мягкое журчание гортанного голоса Мэделин Гиллан. Точно бархоткой по пыльному стеклу. Крики? Слезы? Ах, боже мой. Должно быть, нашей дорогой Шэннон снова нездоровится. Ужасные мигрени, это у нее с детства, она говорила моей племяннице Несс...

Уверенные в том, что уж теперь-то их ничто не побеспокоит, добропорядочные граждане начали расползаться по углам. Раз, потом еще раз, с промежутком в десять минут, стукнула дверь соседнего номера, после чего под крышей «Сокровенной Розы» воцарились мир и покой.

¹ Святой, принесший в Ирландию христианство в 432 году н. э. Предполагаемый день его смерти 17 марта является национальным праздником.

² Согласно ирландской псевдоисторической традиции, предками современного населения острова были выходцы из Испании, сыновья и потомки так называемого Миля Испанского, которые вытеснили с ирландских земель своих божественных предшественников, клан Туата-Де-Даннан, вынудив их переселиться в недра чудесных холмов-Сидов.

Прихватив с тумбочки сигареты, Анна вышла на балкон. В джинсах и свитере на голое тело ветренной сентябрьской ночью было отнюдь не жарко. Впрочем, жарко в Ирландии не бывает никогда, в этом она уже убедилась. Не очень жарко, не очень холодно. Не то чтобы лето, не то чтобы зима. Засуха – это из области фантастики. Но и дожди кратковременны и непредсказуемы, что представляет серьезную проблему для человека с неустойчивой психикой. В течение одного дня небо по многу раз меняет оттенки от лазурного до свинцово-серого, в любой последовательности, безо всякого намека на систему, и, едва сняв куртку, чтобы подставить солнечным лучам озябшие руки и плечи, вы успеваете моментально промокнуть до нитки под внезапно начавшимся проливным дождем.

Спасибо, хоть сейчас дождя нет. Над озером плавает туман. Крошечные фонарики освещают вымощенные плиткой дорожки парка, и сверху, со второго этажа, это выглядит просто волшебю.

Что-то побудило ее обратить взгляд на запад, к долине реки Бойн, где, невзирая на погодные условия, политику и прочие внешние факторы, пребывают в глубоком тысячелетнем трансe гигантские, заросшие крестовником курганы. Один из них – тот, что древнее Стоунхеджа, древнее Египетских пирамид – настолько поразил ее воображение, что это уже можно было назвать легкой формой одержимости. Константин, которому она позвонила сразу после того, как впервые осмотрела курган, сообщил, что, по мнению специалистов, он возведен какой-то чрезвычайно древней, догойдельской, а возможно, и дочеловеческой, расой, заселившей Ирландию после Партолона и Немеда³. Сейчас-то он, конечно, уже вычищен, отполирован и покрыт сахарной глазурью специально для иностранных туристов, но этот дух, неистребимый дух седой древности, по-прежнему щекочет ноздри и кружит голову.

– *Взгляни на Сид⁴, стоящий на равнине*, – тихонько пропела она, продолжая смотреть в том же направлении, – *и ты поймешь, что это – царский дом...*

Справа от нее послышался шорох, и очень тихий, очень низкий голос произнес с едва заметной иронией:

– Осторожнее, леди. Тот, к кому вы обращаетесь, может услышать вас.

Анна вздрогнула и замолчала. Стараясь побороть внезапную дрожь, медленно обернулась и окинула взглядом соседний балкон. Из тьмы выступила мужская фигура. Фигура ее соседа, который полчаса назад довел до истерики свою подругу, теперь, очевидно, уже лежащую в глубоком обмороке.

Мужчина говорил по-английски, а пела Анна по-русски. Он не мог, ну просто не мог понять ее слов.

– Это не заклинание, – пояснила она, испытывая неловкость, как человек, которого застали не вполне одетым. – Это из Баллимотской книги⁵.

И в качестве доказательства повторила те же строки по-английски.

– *Построен в древности могучим Дагдой⁶*, – тут же подхватил невидимый в темноте собеседник, – *он полон колдовства и волшебства*. – Она услышала тихий смешок. – Если не ошибаюсь, эту поэму приписывают ирландскому филиду⁷ Мак Ниа.

– Да, – подтвердила Анна бесцветным голосом. – Вы правы.

³ Вторая и третья волны поселенцев, высадившихся на берегах Ирландии с целью освоения ее земель.

⁴ В ирландской традиции чудесный холм, место обитания одноименных существ, сидов мужского и женского пола, которые послужили прототипами средневековых фей и эльфов.

⁵ Памятник средневековой ирландской литературы, датируемый XIV веком. Представляет собой сборник древних ирландских сказаний, составленный христианским переписчиком.

⁶ В ирландской мифологии *Дагда* (буквально «добрый бог») является примордиальным богом, покровителем науки и сельского хозяйства. Будучи богом Вечности, он является богом-владыкой хронологического и атмосферного времени, а также господином элементов: воздуха, воды, земли и огня.

⁷ В древней и раннесредневековой Ирландии провидцы, мудрецы, поэты, хранители исторической традиции. После принятия христианства отчасти приняли на себя функции друидов.

Она чувствовала, что мужчина пристально разглядывает ее, и нарочно старалась не смотреть в его сторону. К счастью, было темно. Действительно темно. Фонарики в траве в счет не шли, они предназначались для того, чтобы подгулявшие гости не сбились с пути и не свалились в пруд.

– Интересно, сколько человек в этом доме, не считая хозяев, знают о существовании Баллимотской книги, – задумчиво проговорил незнакомец на соседнем балконе.

Анна думала о том же. Четверостишие ирландского филида в их совместном исполнении прозвучало как пароль и отзыв во время явки двух секретных агентов. Борясь с желанием повернуться и встретить его взгляд, она с досадой обнаружила, что в ней пробуждается недопустимый интерес к этому человеку. Что там, кстати, подельывает его супруга, или невеста, или кем уж там она ему доводится, в то время как он декламирует стихотворные саги в обществе посторонних женщин?

Порыв западного ветра принес с собой запах воды и увядающих трав, запах нераскрытых тайн, на протяжении веков окутывающих эту сказочную землю.

– Вашей жене уже лучше? – спросила Анна, закуривая вторую сигарету.

Знарок древней ирландской поэзии шагнул к парапету и сразу же оказался так близко, что Анна уловила исходящий от него аромат мужской туалетной воды. Армани? Неплохой выбор.

– Ее здесь нет. Ушла с мамашей Гиллан. И она мне не жена.

Исчерпывающий ответ. Однако он породил новые вопросы. Ушла с мамашей Гиллан. Совсем ушла или на ближайšie десять минут? Она ему не жена. А если не жена, то кто? И почему он с такой легкостью отпустил ее, пусть даже они решили расстаться? Мог бы, по крайней мере, убедить ее подождать до утра. И вообще, с какой стати она заголосила вдруг среди ночи? Он бил ее или насиловал в извращенной форме?

– Считаете меня чудовищем? – спросил незнакомый мужчина. – Меня зовут Дэймон, если вам интересно.

– Дэймон... а дальше?

– Дэймон О'Кронин. – Он смущенно хмыкнул, в один момент развенчав образ жестокого и коварного соблазнителя, который успела нарисовать себе Анна. – Строго говоря, это не совсем так. О'Кронин – фамилия моих родственников по материнской линии, которые происходят из округа Фермой, графство Корк. Я много лет прожил в Штатах. Родители привезли меня туда еще ребенком. Так что, наверно, я в большей степени американец, чем ирландец. Я вернулся в Ирландию четыре года назад.

– Вы говорите по-гэльски? – спросила Анна, потому что вопрос казался уместным и в то же время ни к чему не обязывал.

– Говорю? Вам, может быть, покажется, что говорю. На самом же деле только учусь. – Он негромко рассмеялся. – Хотите, скажу что-нибудь?

– Ну... попробуйте.

Он сказал.

Теперь рассмеялась Анна. С таким же успехом он мог говорить с ней на суахили.

– И что же это значит?

– *Никогда девушки более прекрасной и более достойной любви не видели глаза мужчины. Казалось, она из тех, кто пришел из волшебных холмов.* – Дэймон помолчал, глядя на Анну, вернее, на то место в кромешной тьме, где смутно угадывался ее силуэт. – Это из сказания об Этайн, жене Мидира Гордого, владыки Сид-Бри-Лейт. Вообще, как выяснилось, говорить по-гэльски гораздо проще, чем читать. Когда начинаешь читать древние ирландские тексты в оригинале, сразу же сталкиваешься с проблемой транслитерации. К примеру, написанную букву «m» ирландцы произносят как «v», таким образом, Эмер, имя жены уладского героя Кухулина, следует произносить как Эвер, что, согласитесь, немного непривычно для нашего слуха. Ну и так далее.

– Вы вернулись в Ирландию, чтобы посвятить себя изучению ее литературных памятников?

– О, нет. На это я не способен.

А на что ты способен, хотелось бы знать. Морочить голову молоденьким дурочкам вроде этой Шэннон, а потом вышвыривать их в три часа ночи за дверь?

Девчонке на вид лет девятнадцать или двадцать, в то время как ему никак не меньше тридцати. И хотя Анна никогда особо не разглядывала эту пару, ей все же приходилось время от времени сталкиваться с ними в коридоре, как и с другими соседями.

Мужчина всегда здоровался первым, но как-то вскользь, не глядя. Девушка кивала и улыбалась. Он: высокий, худощавый (даже через чур худощавый) брюнет с бледным лицом и вечно дурным настроением. Она: фигуристая, предельно декольтированная блондинка с ярко накрашенным ртом и солидным грузом бижутерии, позвякивающей при каждом шаге. Броская внешность девушки заметно контрастировала с внешностью ее мрачноватого, хорошо одетого спутника, тем не менее у обоих почти всегда был такой вид – усталый и в то же время возбужденный – как будто они только что вылезли из постели и им нетерпится обратно.

Мужчина, назвавшийся Дэймоном, шелкнул зажигалкой, и маленькое пламя на миг осветило его лицо. Высокие скулы, темные брови, пленительные впадинки щек.

Стоп, стоп! Переключите программу, отмотайте пленку назад... Тебе не следует выходить на балкон, душа моя. Что еще за перекуры среди ночи? И вообще, давно пора завязывать с этой вредной привычкой. Зубы желтеют, легкие закоксовываются. Неужели ты не понимаешь, что если сейчас, вот прямо сейчас, не простишься мило и не пойдешь спать, произойдет нечто ужасное. Давай, давай. Поворачивайся и уходи. Именно так люди и попадают в истории. В грязные истории. Этот парень вообще без башни, ты сама это знаешь, просто чувствуешь спинным мозгом, потому тебя к нему и тянет. Такие есть, хотя их немного. Ни о чем не жалеет, никогда не оглядывается назад. Он ненасытен, неистов. Беги, спасайся, дуреха!..

– Меня зовут Анна, – сказала она, немного нервничая. – Я из России.

– Да? – Он глубоко затянулся, отчего кончик сигареты затрещал и разгорелся еще ярче.

– Где же вы научились так здорово говорить по-английски?

– Это моя работа.

– О! – Когда он поворачивал голову или подносил сигарету к губам, глаза его начинали поблескивать в темноте странным слюдяным блеском. – Вы переводчик?

– Можно и так сказать.

– Я давно заметил, что вы говорите не так, как ирландцы, и не так, как американцы. Но что вы русская... хм, это мне в голову не приходило.

Анна молчала. С какой стати ему должно приходиться в голову хоть что-то, имеющее отношение к соседке по этажу? Он тут с женщиной, она с мужчиной. Хотя Константин приезжает из Донегала только по выходным, Дэймон наверняка видел их вместе.

– Зато ваша подруга говорит по-английски совсем как ирландка.

– Она ирландка и есть. Мы познакомились в августе на музыкальном фестивале в Шэннон-Сейли. Она подошла ко мне и сказала: привет, ты мне нравишься. А я подумал: господи, этого просто не может быть, совершенно незнакомая девчонка. Потом мы выпили, и я заметил, что она довольно симпатичная. А когда выяснилось, что ее тоже зовут Шэннон...

– Необязательно рассказывать мне об этом, – пробормотала Анна.

– Согласен. Но это получается как-то само собой.

– К тому же я первая начала. – Анна улыбнулась, хотя он не мог этого видеть. – Извините.

Племянница Мэделин Гиллан, очаровательная девушка по имени Несс, однажды упомянула о каких-то родственных связях, существующих между хозяйкой отеля и этим человеком, вернее, сестрой его покойной матери. Не то дочь Мэделин замужем за кем-то из семейства О'Кронин, не то сын женат на какой-то красотке из Корка – подробности Анна благополучно

пропустила мимо ушей, о чем теперь жалела. Этим-то, по словам Несс, и объясняется терпимое отношение хозяйки к неприглядным сценам, время от времени происходящим между мужчиной из соседнего номера и его молодой подругой.

– Он всегда останавливается у нас, когда приезжает в Дроэду, – сказала Несс. – И хорошо платит, поэтому Мэделин любит его. Что до шума, который вас так беспокоит, мэм, то тут мне, ей-богу, нечего сказать. Раньше такого не бывало.

– Кто-нибудь пробовал выяснить, что там у них происходит? – поинтересовался Константин, тоже как-то раз поднятый с постели по воздушной тревоге.

– Происходит? Вы хотите сказать, сэр... Боже упаси! Я каждый день убираю у них в комнатах, но ничего такого...

– А что говорит та женщина? Ведь это она кричит по ночам.

– Что говорит? – Несс посмотрела по сторонам и на всякий случай осенила себя крестным знаменем. – Говорит, что боится. Боится своего мужчину. Будто бы положил на него глаз кое-кто из знати, и теперь, просыпаясь по ночам, она видит...

Константин тяжело вздохнул, давая понять, что всеми этими ирландскими штучками он уже сыт по горло. Анна же воздержалась от дальнейших расспросов, поскольку мысли ее в тот момент были заняты не личной жизнью соседней, а предстоящей поездкой в аббатство Бойл.

– Это моя вина, – услышала Анна неожиданное признание, и вновь вдохнула аромат туалетной воды от Армани. – Не следовало привозить ее сюда. И вообще начинать все эти игры в любовь.

– Почему нет? – откликнулась Анна. – Мужчине требуется женщина. Женщине требуется мужчина. Это нормально.

С балкона, где стоял Дэймон, донесся вздох притворного отчаяния.

– Судя по всему, мне требуется не женщина, а хороший психиатр.

– По-моему, вы преувеличиваете, – сдержанно возразила Анна. – Для вашего случая, мистер О'Кронин, существует куда более простое и действенное средство.

– Я понял, – расхохотался Дэймон. – Понял. Спасибо, дорогая. Когда я буду лежать совсем один в своей остывшей холостяцкой постели, ваши слова будут греть мне сердце.

* * *

Итак, прелестное ирландское утро со сплошной облачностью и пеленой дождя. Сидя за завтраком, Анна смотрела в окно и мысленно прощалась со своими планами на сегодняшний день: поездка на полуостров Хоут, что в десяти милях от центра Дублина... осмотр замка XVI века, принадлежащего династии Лоуренс, с его знаменитыми парками, полными азалий и рододендронов... В качестве альтернативного варианта можно рассматривать посещение Тринити-Колледжа или Национального музея на Килдэр-стрит. До Дублина добраться на такси, а там бродить до вечера по галереям и музейным залам и плевать на погоду.

– Доброе утро, – произнес знакомый голос, и, повернув голову, Анна увидела стоящего рядом Дэймона. – Не возражаете против моего присутствия?

– Нисколько.

Он уселся напротив. Мэгген, официантка, подала ему завтрак: булочки, жареную корейку, йогурт, сыр. А главное, большой кофейник с дымящимся черным кофе.

– Что-нибудь еще, сэр?

– Нет, Мэг. Спасибо.

– А вы, мэм? Что-нибудь желаете?

Анна указала на кофейник.

– Можно мне точно такой же?

Девушка умчалась прочь, а Дэймон, улыбаясь, налил из своего кофейника себе и Анне.

– Я знал, что вам понравится. Так пьют кофе только русские и американцы.

– Правда? А вы откуда знаете?

– Простая наблюдательность. В следующий раз попросите Мэг, чтобы она приготовила вам кофе по-американски.

– В следующий раз, – уточнила она, – то есть, когда вас со мной не будет?

Дэймон внимательно посмотрел на нее поверх чашки, которую держал перед собой.

– Увы, я не смогу бывать при вас так часто, как хотелось бы, потому что все ваши уик-энды принадлежат высокому блондину в темно-синем «триумфе».

Мэгенн принесла еще один кофейник.

Сидя за столиком в компании эксцентричного американца, чей голос так взволновал ее ночью под звездами, Анна задумчиво разглядывала его, пробуя отыскать в нем хоть что-то от вчерашнего угрюмого соседа, который без малого четыре недели смотрел на нее, как на пустое место, и еле-еле бормотал: *good morning*.

Сегодня он источает обаяние каждой клеточкой тела, от его улыбки можно ослепнуть. Красив, хотя и бледен, как бывает после тяжелой болезни. Возможно, просто не выспался. Чистая кожа, тонкие морщинки подчеркивают общую изможденность. Волосы хорошие, несмотря на то, что дорогу в парикмахерскую их обладатель позабыл давным-давно. Глаза цвета незрелого крыжовника. Глаза, глаза... что-то с ними не так... И опять эта мысль: как странно, еще вчера мы были едва знакомы, а сегодня уже завтракаем вместе.

– Ваша девушка, Шэннон... – заговорила Анна, разрезая булочку пополам и намазывая ее маслом. – Надеюсь, вы помирились?

– Она уехала. Рано утром.

– О! Извините.

– Ничего страшного. – Дэймон окинул ее насмешливым взглядом. – Мы решили, что так будет лучше для нас обоих. – Он поставил чашку на стол и подался вперед, пытаясь заглянуть Анне в глаза. – Признайтесь, задавая свой вопрос, вы рассчитывали услышать именно такой ответ, правда?

Она отвернулась.

Оконное стекло омывают струи дождя, в небе ни единого просвета. Что ему сказать? Что его мрачная красота ранила русскую девушку в самое сердце? Он здесь, потому что сбегала Шэннон. Шэннон, чей бюст появлялся в дверях раньше нее самой, чьи браслеты звенели громче, чем под дугой колокольчики, чей постоянно приоткрытый алый рот выглядел как обещание лучшего в мире секса. А Дэймон? Был ли он счастлив? С негодованием Анна обнаружила, что пытается представить его в постели с этой журнальной красоткой, и поспешила сменить тему.

– Вы бывали в графстве Слайго?

– А что вас интересует в Слайго? Вершина Нокнарей? Озеро Харт? Башня замка Бэллайли с музеем Уильяма Батлера Йейтса или его же могила в Драмклиффе? А может быть, зачарованные раты на склонах Бен-Булбена?

– Так вы поклонник Йейтса.

– Да, – признался он таким тоном, каким признаются в постыдном поступке. – Я знаю, это неоригинально, но ведь мужик того стоит.

*Когда немолодая крестьянка, стоя на пороге своего дома, смотрит вдаль и думает о благодати Божьей, благодать поистине с нею, ибо иные, языческие боги всегда пребывают возле нее.*⁸

Да, он того стоит.

⁸ У.Б. Йейтс. Кельтские сумерки.

Зал ресторана почти пуст. То ли все прочие обитатели «Сокровенной Розы» уже позавтракали, то ли еще не проснулись. И то, и другое заслуживает одобрения. Те, что встают чуть свет и дружно выдвигаются под проливным дождем на осмотр достопримечательностей, безусловно, правы, потому что если откладывать экскурсию по причине плохой погоды, то можно до конца отпуска не увидеть вообще ничего. Те же, что предпочитают оставаться в постели, правы по-своему – проявляя похвальную заботу о своей одежде и обуви.

– Вы здесь с мужем? – спросил Дэймон, закуривая.

– Нет, – ответила Анна, отчаянно жалея о том, что не может ответить «да». – С высоким блондином на темно-синем «триумфе».

– Почему же вы не живете вместе?

– Потому что он приехал сюда работать, а я отдыхать. – Проклиная себя за привычку вечно идти на поводу у чужого праздного любопытства, она вздохнула и пояснила: – Он работает на раскопках с группой, которая входит в Международную ассоциацию археологов, иллюстраторов и топографов. Профессор Ленехан заметил его еще в университете и сразу после защиты пригласил в свой научный отдел.

– Так он окончил университет?

– Да. Отделение археологии и палеоэкологии Королевского университета в Белфасте.

– Хм... – Дэймон на мгновение смешался. Похоже, ей удалось его удивить. – Он тоже русский, да? Не ирландец? Не англичанин? Неужели нельзя было найти учебное заведение поближе к дому?

– Можно, конечно. Но Константин всегда мечтал об Ирландии. Он решил поступать в Королевский университет в Белфасте по совету моего отца. Успешно сдал вступительные экзамены, успешно защитился, и вот... – Анна с улыбкой развела руками. – Вот он в Ирландии.

– Так он – друг семьи? Нет? При чем же здесь ваш отец?

– Нет, он не друг семьи, – терпеливо отвечала Анна, внутренне протестуя против столь бесцеремонного вторжения в свою личную жизнь, но опять-таки ничего не предпринимая для самообороны. – Мой отец познакомился с ним десять лет назад, когда работал с подводными археологами на Черноморском побережье Кавказа. Ну, а я... вообще-то мы встречаемся чуть больше года. – Она невесело рассмеялась, заставив себя посмотреть Дэймону в лицо. – Вот видите, мы разговариваем не больше пяти минут, а я уже посвятила вас во все подробности своей биографии. Определенно, я не из тех женщин, к которым применимо понятие «женщина-загадка».

– По-вашему, мужчины любят загадки?

– А по-вашему, нет?

Не отвечая, Дэймон смотрит на нее в упор чуть дольше, чем позволяют приличия, затем переводит взгляд на залитое струями дождя оконное стекло.

Люди любят загадки, вот правильный ответ. И мужчины, и женщины. Анна уверена в этом на все сто. Взять, к примеру, сидящего перед нею мужчину. Кто он такой? Зачем вернулся в Ирландию? Чего боялась его сбежавшая подруга? Почему Мэгген и вторая официантка, Лидан, так странно поглядывают на них, хотя в ресторане уже появились и другие посетители? Перед завтраком Анна успела, с позволения Мэделин Гиллан, заглянуть в гостевую книгу. Ее сосед зарегистрировался как Дэймон Диккенс. Диккенс он по паспорту. О'Кронин – по происхождению. Стоит ли держать это в голове или лучше сразу забыть?

Что-то в его внешности настораживало ее. Она никак не могла понять, что именно, но знала точно, что это не вымысел и не игра воображения. Да-да, особенно сейчас. Когда он вот так поворачивает голову...

– А, вы заметили. – Дэймон слегка усмехнулся. – Ничего страшного. Я привык обходиться одним глазом.

– А что случилось со вторым?

– Он не видит.

Анна положила чайную ложку на блюдечко.

– Совсем?

– Абсолютно.

Она не сводила глаз с его лица.

– Это у вас от рождения? Или несчастный случай?

Теперь, когда он сказал, стало совершенно очевидно, что левый глаз, вроде бы ничем не отличающийся от правого, не функционирует должным образом. Зрачок не поворачивался, следуя за направлением взгляда, и не менял размеров в зависимости от освещения.

– Ровно год назад, в конце октября, я потерял друга. – Дэймон на мгновение стиснул зубы. – Человека, с которым приехал в Ирландию из Штатов. После этого зрение у меня начало катастрофически падать, и по прошествии двух месяцев левый глаз уже не видел вообще.

– Только левый? – преодолевая неловкость, рискнула уточнить Анна, потому что это казалось ей важным.

– Да. Правый, как ни странно, не пострадал.

– А что говорят доктора?

– Паралич зрительного нерва. Как правило, такое случается от удара по голове каким-нибудь тяжелым предметом. Но меня никто не бил тяжелым предметом. – Он вяло улыбнулся. – Во всяком случае, по голове.

– То есть, восстановить зрение невозможно?

Дэймон пожал плечами.

– Может, я недостаточно этим занимался.

– Но этим надо заниматься! – воскликнула Анна, пожалуй, с излишней горячностью. – Обязательно! Ведь чем больше проходит времени...

– Я знаю, знаю. – Он улыбнулся, глядя на нее через стол. – Я займусь.

Когда он улыбался, становилась заметной легкая асимметрия его лица. Левый угол рта чуть выше правого, левое веко перечеркнуто тонкой ниткой шрама, побелевшего от времени.

Если никто не бил его по голове, откуда этот шрам? Поразительно, что при наличии всех этих недостатков он умудряется производить впечатление на редкость красивого мужчины.

– Константин, – медленно произнес Дэймон, думая о своем. – Почему он мечтал об Ирландии? Почему не о Новой Гвинее, не о Перу?

– Не знаю. Думаю, об этом лучше спросить его самого.

– Вы представите нас друг другу?

– Если это доставит вам удовольствие. Только у него много работы, поэтому он появится только в пятницу вечером.

– А вы что собираетесь здесь делать?

– Не знаю, – опять сказала она. И, подумав, добавила: – Возможно, напишу книгу.

– А сегодня? Сейчас? Погода на улице отвратительная, но уже через полчаса она может показаться нам превосходной. Зависит от того, как подойти к делу. Итак, чем мы займемся? Есть какие-нибудь предложения, или я должен взять все на себя?

Анна смотрела на него, раскрыв рот от удивления. Пять минут назад он с самым серьезным видом расспрашивал ее о Константине, а теперь невинно интересуется, какие у нее планы на сегодняшний день. Допустим, у нее есть планы. Хотя скорее нет, чем есть... Но ведь его это никоим образом не касается!

* * *

Итак, через полчаса они уже катят по трассе номер один строго на юг, и Анна беспомощно спрашивает себя, как же вышло, что совершенно посторонний мужчина, причем мужчина с

однозначно скверной репутацией, безо всякого труда уговорил ее на совместную поездку в Дублин и ужин в одном из дублинских ресторанов. Ее заявление о том, что в Дублине у нее дела, ничуть его не смутило. Это очень удачно, моя дорогая, потому что и у меня, представьте себе, в связи с предстоящими праздниками тоже появилось одно неотложное дело. Какими-такими праздниками? Я имею в виду Самайн⁹. Хотя считать эти дни праздничными, согласен, может только сумасшедший. Впереди еще полтора месяца? Хм... пожалуй, вы правы... Так или иначе, я вынужден покинуть вас до восемнадцати тридцати, после чего, *machree*¹⁰ Анна, рассчитываю на ужин в вашем приятном обществе. Есть возражения? Возражений нет.

Вот так же вел себя и Константин. Он не спрашивал, хочет она его любви или не хочет. Он просто втягивал ее в водоворот новых отношений, не давая ей опомниться, не отступая ни на шаг, не допуская даже мысли о возможном отказе. Может, так и надо? Во всяком случае Анне действительно не приходило в голову хоть в чем-то ему отказать. Как любит повторять умница Аленка, ее любимая и, пожалуй, единственная подруга: «Есть паровозы, милая моя, а есть вагоны. Так вот, твой Костик – стопроцентный паровоз. А ты... ты – вагон».

Дэймон везет ее в Дублин на собственной машине, которую с невероятными трудностями и неизвестно ради чего приволок аж из Калифорнии. Это черный «транс-эм», далеко не новый, но вылизанный до блеска. На дорогах он привлекает внимание, потому что американских машин в Ирландии, можно сказать, нет совсем. Не проще ли было купить что-нибудь прямо здесь? На этот вопрос Дэймон честно ответил: проще, конечно, но мы с этим «понтиаком» вместе пережили столько всего... Боже, он еще и сентиментален. Привыкшая к обществу замкнутых мужчин вроде Константина, Анна безнадежно терялась всякий раз, когда кто-то из знакомых ни с того ни с сего начинал выворачивать перед ней душу.

Однако Дэймон, сделав свое заявление, больше на эту тему не распространяется. Он вообще мало говорит за рулем. Ему приходится с удвоенным вниманием следить за дорогой, ведь у него всего один зрячий глаз. Вспомнив об этом, Анна покрывается холодным потом. Надо было ехать в Дублин на такси.

– Куда вас подбросить? – спрашивает Дэймон, аккуратно вписываясь в поворот.

Левостороннее движение для человека в автомобиле с левым рулем само по себе является испытанием, а тут еще глаз...

Так, чувствительная моя, если ты сейчас же не расслабишься и не перестанешь думать про этот его распроклятый глаз, остаток пути тебе придется пройти пешком, другого выхода нет. А нечего было прыгать в машину к первому попавшемуся пижону только из-за того, что он играет в те же игрушки, что и ты.

– К Дублинскому университету.

– Ого! А что вы собираетесь там делать?

– Немного поработаю в библиотеке. Потом схожу в музей.

– Отличная программа, – кивает одобрительно Дэймон. Ощупью отыскивает в кармане пачку сигарет и протягивает ей. – Угощайтесь. – Сигареты у него дорогие, с пониженным содержанием никотина. – И для меня прикурите, пожалуйста.

Ну, вот. Вот вам и пример того, как потихонечку, шаг за шагом, некоторые умеют сокращать дистанцию между собой и предметом своих вожделений. Игриво, ненавязчиво. Прикурить сигарету – подумаешь, важность!

Она прикуривает, разумеется. Прикуривает для себя и для него. Протягивает ему сигарету со следами губной помады. Он принимает ее с благодарной улыбкой, за которой, однако, проглядывает скрытое лукавство. С наслаждением затягивается, а потом делает едва заметное

⁹ Древний кельтский праздник (буквально «собрание»), отмечается 1 ноября. Христианизован как День Всех Святых и праздник мертвых, в англоязычных странах его называют Хэллоуин.

¹⁰ Мое сердце(*ирл.*).

движение губами, как будто пробует что-то на вкус. Он пробует женщину, сидящую на пассажирском сиденье.

Совершенно неожиданно дождь прекращается. Серые клочья облаков уносит ветер, и вот уже солнце заливает ярким светом зеленые луга, простирающиеся по обе стороны дороги. Как на открытке. Не хватает только овец и пастуха с дудочкой.

Не может быть. Овцы. В состоянии, близком к панике, Анна крутится на сидении, высматривая необходимого для полного совершенства пастуха, и облегченно вздыхает, убедившись, что его таки нет.

– Это у вас пройдет, – посмеиваясь, говорит Дэймон. – Ирландия прекрасная страна, но в ее красоте нет ничего, вызывающего умиление. Это страна, где по ночам кричат бан-ши¹¹, где жители деревень подвешивают над дверным проемом ветви бузины и рябины, а в колыбель с новорожденным непременно кладут предметы, сделанные из железа.

Декорировать ветвями рябины окна и двери «Сокровенной Розы» хозяева, по-видимому, сочли неразумным (престиж и все такое), зато рябина в достаточном количестве произрастает в парке и вокруг дома. Теперь понятно, почему. Пусть на дворе двадцать первый век, но вы же в Ирландии, друзья мои. Чтобы понять ирландца, нужно родиться ирландцем. *Страна, где по ночам кричат бан-ши...*

– А вы их встречали? – спросила Анна, чувствуя, как забилося сердце.

Дэймон глянул на нее краем глаза.

– Кого?

– Сидов. Детей богини Дану¹².

Он вел машину, не отвечая на вопрос.

– Неужели нет? Ни разу и ни одного?

– Это слишком дорого обходится, – пробормотал он, крепко сжимая руль.

– Но вы верите в их существование? – не отставала Анна.

Охватившее его волнение слишком очевидно. И должно иметь причину.

– А вы верите в Иисуса Христа? – спросил он с неожиданной резкостью.

– Да, верю.

– Но вы же его не видели, правда?

– Правда.

– Так что же заставляет вас верить?

Хрестоматийный вопрос, на который, несомненно, существует такой же хрестоматийный ответ. Только это глупо – говорить на языке Закона Божьего с человеком неизвестного тебе вероисповедания, с которым знакома всего лишь несколько часов. Что ж, придется довольствоваться тем, что имеешь.

А что ты имеешь, безответственная женщина? Стремительно назревающий роман с каким-то местным сумасшедшим – роман, совершенно не нужный ни тебе, ни ему. Ночные крики сбежавшей любовницы. Туманные намеки горничной и хозяйки отеля. Догадки, предположения... Фантазии, будоражащие твой праздный ум.

¹¹ Буквально «женщина из сидов». В ирландской мифологии сверхъестественное существо в облике прекрасной женщины, чье появление предвещает смерть.

¹² Богиня, давшая имя целой группе богов и названная их матерью, подобно египетской Нут или семитской Иштар. Возможно, она родственна богине Ану, которую Кормак описывает как *mater deorum hibernensium* (буквально «вскормившая богов»).

Глава 2

Стоя перед зеркалом, Анна вдевает в уши золотые серьги, подаренные Константином, и вспоминает вчерашний ужин с Дэймоном. Его негромкий смех, быстрые внимательные взгляды исподлобья, интимное «*slainte!*»¹³, как будто «люблю!»... Что за чушь лезет в голову. Только вчера уехала Шэннон, а до нее наверняка были еще десятки других. Если не сотни. Парень с такими внешними данными и таким банковским счетом (простая наблюдательность – его же собственное выражение) может позволить себе менять подружек так же часто, как женщина меняет колготки.

В то время, как ты, дорогуша... Анна окидывает себя придиричивым взглядом и украдкой вздыхает. Ты не красавица и никогда ею не была. Обыкновенные русые волосы до плеч, обыкновенные карие глаза. Зубки могли бы быть и поровнее, волосы погуще. Единственное, что тебя спасает – это голос. Об этом тебе говорили неоднократно. Медлительный, через чур низкий для женщины голос, которым ты, сознавая его исключительность, научилась пользоваться еще в школьные годы.

Почему ты молчишь? Почему, Анна? – приставал к ней Дэймон на обратном пути из Дублина. Поговори со мной. Он хотел снова и снова слышать ее голос. Он просил об этом. Так же, как и все остальные.

Несс, пришедшая, чтобы поменять постельное белье и убрать в комнате, терпит изо всех сил, но надолго ее не хватает.

– Вы ездили в Дублин, мэм?

Ей, как и всему персоналу отеля, доподлинно известно, что Анна ездила в Дублин вместе с Дэймоном Диккенсом на его громадной американской машине.

– Да, Несси, ездила.

– Хорошо провели время?

– Да, спасибо. Очень хорошо.

Несс сосредоточенно полирует тряпкой поверхность тумбочки.

– Знаете, мэм, это, конечно, не мое дело, но... – Она запнулась. – Вы с ним поосторожнее, честное слово. Я девушка простая, в июне школу закончила, а в колледж только на будущий год думаю поступать, но есть кое-что, в чем я понимаю лучше вас, потому что я родом из этих мест, а вы – приезжая.

– Быть с ним поосторожнее? – Анна медленно повернулась, не зная, смеяться или сердиться. – О ком ты говоришь?

Несс молча указала пальцем на стену.

Будто бы положил на него глаз кое-кто из знати...

– Тебе не очень нравится мистер Диккенс, правда? – улыбнулась Анна, разглядывая круглое симпатичное личико, усыпанное веснушками.

– Как раз наоборот. – Несс решительно тряхнула головой. – Очень даже нравится. Но вы мне тоже нравитесь, мэм, и я должна вас предупредить.

– О'кей. Считай, что ты меня предупредила.

– Не ходите с ним к Бругу¹⁴. А в дни Самайна вообще никуда вместе с ним не ходите.

– Ладно, если ты объяснишь, почему.

– Он... – Несс хмурилась, кусая губы. – Ну, как бы вам сказать...

Положил на него глаз кое-кто...

¹³ Будем здоровы!(ирл.)

¹⁴ Легендарный Сид Энгуса Мак Ока на реке Бойн (Боанн), который размещался на месте храма солнца, датируемого III тыс. до н. э. и в настоящее время известного как Нью-Грейндж.

Анна решила на время забыть о приличиях.

– А что ты вообще о нем знаешь?

– Не очень много, мэм, если честно. Знаю, что он ирландец только наполовину. Что он в родстве с нашей семьей. Что приехал в Ирландию из Соединенных Штатов, да так здесь и остался.

– А чем он зарабатывает на жизнь?

В самом деле любопытно, какую работу мог найти американец в Ирландии, при том, что она не требует ежедневного пребывания на рабочем месте и, судя по всему, хорошо оплачивается.

– Он художник, мэм. – Нэсс понизила голос, как будто разглашая какую-то страшную тайну. – Очень хороший художник. У него есть агент в Калифорнии, который продает его картины. А одну из своих картин он подарил Мэделин на Рождество, и теперь она висит у нее в офисе. Могу показать, если хотите.

– Ты хочешь сказать, он знаменит?

– Знаменит или нет, не знаю, – пожала плечами Нэсс, встряхивая одеяло. – Только в деньгах он не нуждается.

Что верно, то верно. Часы, болтающиеся на его узком запястье, тянут как минимум на десять тысяч евро. Тонкие рубашки, обувь отличного качества.

– А с чего ты взяла, будто кто-то из старейших... ну, приметил его. – Анна умышленно повторила слова самой Нэсс. – Положил на него глаз.

Лицо Нэсс на мгновение сделалось непроницаемым, отчужденным – вспомнилась реакция Константина. К тому же, Анна знала, ирландцы вообще неохотно говорят с чужаками о делах дивного народа, незримо присутствующего в их повседневной жизни, несмотря на всеобщую христианизацию.

– Нэсси, – окликнула Анна, не переставая наблюдать за девушкой. – Поверь, МНЕ ты можешь сказать.

– Ладно, мэм, – ответила та со вздохом. – Как хотите. – Тщательно взбила подушки, расправила покрывало. – Он ведь из Корка, вы знаете? Там его родня. Так вот, Селия О'Кронин, она приходится невесткой моей тетке Мэделин, рассказывала, что когда он впервые переступил порог ее дома, большой портрет ее деда, висящий в гостиной, сам собой сорвался со стены и грохнулся об пол. Стекло, правда, не разбилось, но когда она, то есть Селия, увидела сына своей покойной сестры, а после этого опять взглянула на дедов портрет, то сразу же поняла: одна кость, одна кровь. Дед-то ее, царствие небесное, был человек непростой. Ему, говорят, вечно кто-то из знати на ушко нашептывал. Оттого-то была ему удача во всех делах, и будущее он видел, и еще много чего знал и умел, о чем нам с вами лучше не задумываться.

– Значит, внешне Дэймон похож на своего прадеда?

– Похож? Разве я сказала: похож? Я сказала: одно лицо.

– Ладно. Это ясно. Дед был непрост. Но Дэймон-то чем вызвал твои подозрения?

– Это не только мои подозрения, мэм. Мэделин тоже замечает...

– Продолжай, – быстро произнесла Анна.

– Он слеп на левый глаз! – сообщила Нэсс таким тоном, каким уместно было бы объявить: у него есть хвост.

– Я знаю. Ну и что?

– Он ослеп на один глаз после гибели своего приятеля, тоже ирландца из Штатов, о котором говорят, что будто бы владыка Бруга забрал его с собой. Увидел и пожелал, а благородным никто не отказывает. Для смертного это невозможно. Вот так.

«Они не ведьмы и не демоны, и рассказы о них – не детские выдумки и уж тем более не бредни суеверных обывателей. Сверхъестественное здесь обладает сдержанностью и достоинством», – так сказал отец незадолго до ее отъезда, увидев у нее на столе книгу «Кельтские

королевства». О чем у них тогда зашла речь? Ах да, о сверхъестественном. О сверхъестественном и непостижимом.

Глядя на взволнованную ирландскую девушку, Анна чувствовала, что мир вокруг нее необратимо утрачивает привычные формы. Тает и растекается, как шоколад или пластилин. *Увидел и пожелал, а благородным никто не отказывает...* Неужели следует в это поверить? Одно дело слышать о чем-то таком и снисходительно посмеиваться над чужими суевериями (при условии, что все происходит на приличном от тебя расстоянии) и совсем другое – столкнуться с этим нос к носу. Все равно что прочесть книгу о привидениях, а потом увидеть одно у себя на кухне.

– Но при чем тут Дэймон и его глаз?

– Если в нем сильна кровь его рода, то знайте: он может видеть невидимое. Почти все, кто носит фамилию О’Кронин, могут это. Если, конечно, хотят.

– Видеть невидимое? – задумчиво повторила Анна. – По-твоему, каждый человек с ослабленным зрением способен видеть невидимое? Общаться с духами?

– Не с духами, мэм, – Несс говорила очень тихо, словно боясь, что их услышат. – Народ Сидов – это не духи.

Народ Сидов... *Aes Sidhe...*

– Кто же это? Боги?

– Может, так, – еще тише ответила Несс. – А может, и нет.

– Но почему ты считаешь, что незрячий глаз Дэймона может служить доказательством его способности видеть сидов?

– Не только глаз.

– Что?

Чтобы расслышать ее шепот, Анне пришлось подойти поближе.

– Он спал на холме, мэм.

Анна остолбенела.

Спал на холме... В спальном мешке или на тростниковой циновке?

– Он спал на холме в канун Самайна. Да еще не на каком-то там первом попавшемся холме, а на самом что ни на есть знатном.

Так. Срочно возьми себя в руки.

– Спал под открытым небом в последнюю ночь октября. Должно быть, у него отменное здоровье... И что же?

– Известно, что, мэм. Можете смеяться надо мной, но я скажу вам то, что слышала от своей матери, а моя мать слышала от своей: если кто уснет на вершине холма, король сидов похитит его душу.

– Король сидов? – вздрогнув, переспросила Анна. – Ты имеешь в виду...

Несс зябко повела плечами и ответила уже совершенно беззвучно:

– Здесь, в долине реки Боанн, только один король.

Давным-давно правил Ирландией славный муж из Племени богини Дану по имени Эохайд Оллатар. А еще звался он Дагда, ибо умел творить чудеса и был властен над стихиями и урожаем. Была в то время супругой Элкмара из Бруга женищина по имени Боанн. Пожелал Дагда близости с нею, и отдалась бы ему женищина, если бы не страх перед Элкмаром. Отправил Дагда Элкмара с поручением к Бресу, сыну Элата, в Маг-Инис, а когда тот собрался в дорогу, навел на него великие чары, дабы не смог он воротиться назад раньше срока. Избавил Дагда Элкмара от голода и жажды и дневным светом озарил ночи его. Долгим сделал он путь Элкмара, так что прошли для него девять месяцев как один день, и говорил после Элкмар, что воротился он домой еще до заката. Между тем возлег Дагда с супругой Элкмара, и родила

она ему сына по имени Энгус. Излечилась Боанн от недуга прежде возвращения Элкмара, и не заметил он на ней вины от близости с Дагдой.

Отдал Дагда мальчика на воспитание Мидиру в Сид-Бри-Лейт, и оставался там мальчик ровно девять лет. Трижды пятьдесят ирландских юношей и трижды пятьдесят ирландских девушек играли на полях Бри-Лейт, но всех превзошел Энгус благодаря своему прекрасному облику и славному роду. Было у него и другое имя – Мак Ок, ибо сказала его мать: «Воистину молод сын, зачатый перед рассветом и рожденный до заката!»¹⁵

* * *

Не ходите с ним к Бругу... Но именно к Бругу-то ей и хочется с ним пойти!

– Ты была там уже тысячу раз, – бормочет Дэймон, не вынимая изо рта сигарету, в то время как «понтяк» черной молнией уносит их по пятьдесят первому шоссе на запад, в направлении Моллингара.

– Не тысячу, а всего два!

– Этого вполне достаточно. Что за радость день за днем бродить вокруг доисторических могильников, размышляя о королях и королевах, чьи кости истлели несколько тысяч лет тому назад!

Он прав лишь отчасти, и сам об этом знает.

Курган, стоящий на месте (точнее, поверх) входа в подземные покои одного из самых могущественных, вероломных, неотразимых воинов-магов из клана Туата-Де-Даннан, действительно, долгое время считали гробницей кельтских королей, датируя ее возникновение первыми столетиями нашей эры и приравнивая к шахтовым могилам в Микенах. На самом же деле он много старше Микен.

В 1699 году на него случайно наткнулись какие-то люди, прочесывающие долину реки Бойн в поисках строительного материала. Ну, подумаешь, холм... Всего-навсего холм, каких полно в округе. В 1963 году холм был вскрыт, и под слоем земли обнаружилось странное сооружение из серых и белых камней, представляющее собой правильную полусферу около восьмидесяти пяти метров в диаметре.

Первый раз Анна побывала там одна. Дрожа на холодном ветру, она долго бродила вокруг кургана, сверкающего белой кварцевой галькой, и рассматривала его крутые склоны, не решаясь войти внутрь. Когда-то он был опоясан кольцом огромных, вертикально поставленных глыб, из которых сегодня сохранились лишь две перед входом. Она отдавала себе отчет в том, что видит перед собой не Бруг, самый знаменитый Сид ирландской традиции, а Нью-Грейндж, языческий храм с могильником, где некогда покоились останки пяти человек. Кем были эти люди? Если правителями, то каким народом правили они в те далекие времена? А если нет, то кто и почему похоронил их подобным образом?

Шагнув под темные своды, она увидела тоннель из массивных каменных глыб метровой приблизительно ширины. Высота на входе не превышала полутора метров, так что пришлось идти, согнувшись в три погибели, а непосредственно перед погребальной камерой вдруг увеличилась почти вдвое. Беззвучный смех камней: вот теперь можешь выпрямиться, пришелец... Только теперь, не раньше. Повинуйся.

Анна остановилась, вся дрожа. Ей стал ясен смысл выражения «каменная неподвижность». Неподвижность самих камней, неподвижность воздуха между ними, неподвижность мыслей стоящего среди камней человека. Со всех сторон ее окружали валуны с причудливым спиральным орнаментом. Был ли это просто декор, или чье-то стилизованное изображение, или один из древних сакральных символов?

¹⁵ Здесь и далее по тексту авторское изложение фрагментов сказания «Сватовство к Этайн».

Через несколько дней она пришла туда снова, уже с Константином. Ее интересовало не столько то, что он скажет, сколько то, что он почувствует. И почувствует ли вообще.

Константин начал с того, что сообщил ей об открытии профессора О'Келли: могильник ориентирован в пространстве таким образом, что в день зимнего солнцестояния свет восходящего солнца падает сперва на боковую стену туннеля, а затем проникает в погребальную камеру и освещает ее в течение семнадцати минут. Причем не всю камеру, а один-единственный украшенный орнаментом камень в самом дальнем ее углу.

– Очень интересно, – кивнула Анна. – Но скажи мне: ты чувствуешь?

– Что?

Она внимательно посмотрела на него. Стройный силуэт на фоне серых камней. Стоит, напряженно приподняв плечи, засунув руки в карманы. Заострившиеся черты лица. Расфокусированный взгляд человека, который прислушивается к музыке внутри собственной головы.

Несомненно, чувствует, но ни за что не признается. Будет сыпать цифрами, датами... Безо всякой причины она припомнила все, что слышала об этом парне еще до того, как состоялось знакомство. Холодный, злопамятный, скрытный, упорный. Может рискнуть, но перед этим продумает все до мелочей. Настоящий карьерист. Холодный как змея. Злопамятный как сиамская кошка.

Кое-что подтвердилось, кое-что нет. Упорный точно. Не паровоз даже, а танк. Холодный? Да, пожалуй. Из тех, что отпускают себя на волю только в постели.

– Здесь кто-то есть, правда? – Анна тронула рукой немой, но не мертвый камень. – Он здесь и разговаривает с нами, но мы его не слышим.

По тому, как вздрогнул Константин, нетрудно было догадаться: он слышит. Если не все, то по крайней мере что-то. Но внятного ответа на свой вопрос она так и не дождалась. Скрытный? О господи, просто могила.

Когда они выбрались наружу, Константин, пытаясь уйти от темы, обратил ее внимание на остальные курганы долины Бойн, благо их было немало (никак не меньше двадцати, так что это грандиозный погребальный комплекс растянулся вдоль берега реки почти на четыре километра), но Анна лишь мельком взглянула на Кноут и Доут и почти не удостоила внимания отдельно стоящие каменные глыбы, для которых у Константина тоже нашлось какое-то мудреное название.

– Кноут и Доут несут на себе явные следы разрушений, тогда как Нью-Грейндж, похоже, сохранился в неприкосновенности. Украшения и монеты IV века нашей эры, обнаруженные вокруг могильника, дают основания полагать, что Нью-Грейндж и в то время имел репутацию священного места...

Прекрасно. Очень поучительно. И незачем протирать штаны в библиотеке, просто спроси своего возлюбленного. Об этом он может говорить часами, даже на голодный желудок. Как-то раз (Анна долго не могла об этом забыть) он принялся рассказывать ей о наименовании ирландских кланов ночью, в постели, после классного секса.

– Ирландские кланы часто носили имена животных. Одни назывались «телятами», другие «грифами», третьи «оленьями». Этот клановый тотемизм, возможно, лежит в основе историй о Кормаке Мак Арте, вскормленном волчицей, об Ойсине, матерью которого была олениха и поэтому он отказывался есть оленину...

Первые пять минут она слушала (еще одно слово, и я тебя задушу), потом выдернула из-под его головы подушку и плотно прижала к его лицу.

Ему понравилось, хотя он и не сказал об этом прямо. Не было у него такой привычки – прямо говорить о том, что он чувствовал и чего хотел. Но она догадалась, потому что с тех пор он начал поддразнивать ее, явно напрашиваясь на новые репрессии.

* * *

Но сейчас, напоминает она себе, рядом с тобой совершенно другой мужчина. Мужчина, которому здесь не место. Вернее, тебе не место в его машине. К чему, как ты думаешь, это в конце концов приведет? Поверхностные, необременительные отношения. Сказка без начала и конца. То, чего ты всегда обоснованно опасалась. Ну, и где же твое хваленое благоразумие?

Позади осталась деревня Слейн. Живые изгороди по обочинам дороги радуют глаз новенькой пластмассовой зеленью, отмытой до глянцевого блеска под сильным, но кратковременным утренним дождем.

Ничего особенного, просто мужчина решил покатавать тебя в автомобиле. Ты можешь повторять это, пока не устанет язык, но на самом-то деле ты прекрасно знаешь, что ПРОСТО ТАК мужчины никого не катают в автомобилях, а женщины никогда не садятся в автомобиль ПРОСТО ТАК.

– Ты не хочешь спускаться к Бругу или не хочешь, чтобы я спускалась туда? Но разве это может представлять какую-то опасность? Тысячи туристов ежегодно...

– А кто говорит об опасности?

Встречный ветер, врываясь в открытое окно, треплет темные волосы Дэймона. Вот бы узнать, что происходит в этой красивой голове.

– Никто, насколько мне известно. Хотя... Я слышала, что не стоит располагаться на отдых у подножья или на склонах полого холма, потому что он является своеобразной шлюзовой камерой, соединяющей два мира, видимый и невидимый. И если вдруг, боже упаси, тебя одолеет сон...

– Знаю. Я тоже слышал об этом. Опасно приближаться к чудесным холмам в дни Самайна, иначе станешь добычей воинов из клана Туата-Де-Даннан. Опасно спать на холмах, о которых точно известно, что они ведут в подземные покои бессмертных.

Сказано ровно, без эмоций. Человеком, который делится прочитанным, не более того.

– Разве есть холмы, помимо Бруга, о которых можно с уверенностью сказать, что в них обитают сиды?

– Конечно. – Тот же размеренный голос, тот же невозмутимый вид. – К примеру, Сид-Бри-Лейт, холм недалеко от Арды, графство Лонгфорд, считается жилищем Мидира. Бодб Дерг, сын Дагды, является господином Сид-Фемен, нынешний Сливнамон, графство Типперери. Владыкой Сид-Нента на Лох-Ри называют Сигмалла, брата Элкмара, того самого Элкмара, что проживает в Сид-Клеттейх в долине Бойн. Но только в Бруг-на-Бойн деревья круглый год приносят плоды, и гости несравненного Мак Ока пируют вокруг котла с жареной свиньей и чана с вином, от которых не убывает.

– Котел Дагды?

Дэймон кивнул.

– Помимо чудесных холмов, в Ирландии имеются пять *bruidne*, то есть постоянных дворов, которые тоже представляют собой не совсем обычные жилища, потому что не имеют постоянного места. Говорят, если забредешь туда случайно в непогоду или темной ночью, то позже – при условии, что останешься жив, – никогда не найдешь его снова. В каждом из таких *bruidne* есть неисчерпаемый котел, подобный котлу Дагды, от которого никто не уходит недовольным.

Интересно, что он говорит обо всех этих вещах в настоящем времени. Не так, как Константин: «были, имели, считались», а по-своему: «есть, имеют, считаются», как будто те времена, когда дети Дану владели ирландской землей наравне с сыновьями Миля, заключали между собой династические браки и объединяли усилия в борьбе с общим врагом – фоморами, еще не прошли.

Чтобы он не заметил ее бесцеремонных взглядов, Анна надевает солнцезащитные очки. Для мужчины это настоящее преступление – иметь такие ресницы, такие волосы, такую кожу. Все это должно было достаться какой-нибудь женщине!

И тут она кое-что увидела. То, чего раньше не было. Не было ни вчера, ни позавчера. Обручальное кольцо.

– Я не надевал его, потому что Шэннон злилась, – пояснил Дэймон без намека на смущение. – А теперь, когда она уехала...

– Понятно, – пробормотала Анна.

Дэймон дал ей немного помучиться и добавил:

– Это не тот брак, который заключается в церкви, в присутствии свидетелей и родственников, с тем чтобы приговорить несчастных супругов к пожизненному совместному существованию. В богатстве и в бедности, в радости и в печали, покуда смерть не разлучит вас... – Он усмехнулся. – Нам это в голову не приходило. Мы обменялись кольцами на Ламмас¹⁶

¹⁶ Иначе *Праздник урожая* (1 августа) – вплоть до новейшего времени существовал у ирландцев, шотландцев и жителей Островов. Другое название – *Лугназад*. В этот день начинались праздничные ярмарки, сопровождавшиеся различными увеселениями и обрядами, среди которых выделялся обряд заключения «временных», или испытательных, браков сроком на год и один день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.